

Оксана Николаевна ПАХОМОВА,

кандидат юридических наук, доцент, ORCID 0009-0003-9830-0449
Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Калининград)
доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-
исполнительного права Калининградского филиала
oksana.39rus@mail.ru

УДК [343.988:325.14]:004.77

ЦИФРОВОЕ НАСИЛИЕ В ОТНОШЕНИИ МИГРАНТОВ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Цифровое насилие, мигрант, виктимность мигрантов, латентность, противодействие цифровому насилию, международное сотрудничество.

АННОТАЦИЯ. Введение. В статье рассматривается цифровое насилие в отношении мигрантов. Подчеркивается недостаточность научной разработки данного явления и необходимость ее углубления. Повышенного внимания в данном случае требуют вопросы латентности преступлений, виктимности мигрантов, в том числе российских граждан, оказавшихся за рубежом. Наука должна способствовать формированию эффективного комплексного механизма противодействия насилию анализируемого вида. В связи с этим может быть полезно изучить и адаптировать к отечественным условиям зарубежный опыт внедрения современных практик организации такого противодействия. Методы. Методологическую основу исследования, результаты которого отражены в статье, составил диалектический метод, позволивший рассматривать цифровое насилие как динамичное явление. Статистический метод был использован для работы с данными ООН, МВД России и Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, характеризующими динамику миграционных потоков и показателей преступности. Метод сравнительного анализа применялся для сопоставления отечественного и зарубежного опыта противодействия цифровому насилию. Кроме того, применялись методы абстрагирования, обобщения и анализа. Результаты. Феномен цифрового насилия в отношении мигрантов, в том числе представителей российской diáspоры за рубежом, следует изучать с учетом высокой виктимности потерпевших и латентности посягательств изучаемого вида. В статье дано определение цифрового насилия в отношении мигрантов: это противоправное психологическое и эмоциональное воздействие, осуществляющееся посредством информационно-телекоммуникационных технологий, направленное на причинение морального, физического или имущественного вреда мигранту вопреки его воле, основанное на использовании его уязвимости. Представлены факторы, обуславливающие высокую степень виктимности мигрантов в цифровой среде: низкая цифровая и правовая грамотность, анклавизация, языковой барьер. Показаны формы цифрового насилия в отношении мигрантов и связанные с ним тенденции, в частности появление всё новых анонимных онлайн-механизмов вербовки и эксплуатации, повышающих латентность преступных деяний. Сформулированы рекомендации по противодействию цифровому насилию в отношении мигрантов. Они предусматривают внедрение в систему профилактики передовых технологий, а также совершенствование уголовного законодательства путем закрепления насилия рассматриваемого вида в качестве обстоятельства, отягчающего наказание.

ВВЕДЕНИЕ

В 2025 году, несмотря на относительное снижение количества так называемых цифровых преступлений, их было совершено все-таки достаточно много. В том числе в отношении уязвимых социальных групп, таких как мигранты. За семь месяцев было зарегистрировано 424,9 тысячи преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (-2,3% по сравнению с показателем за тот же период 2024 года). При этом более половины (51,8%) этих преступлений относится к категориям тяжких и особо тяжких (220,1 тысячи)¹. Цифровое насилие представляет значительную

угрозу для прав человека, интересов общества и государства, подрывая доверие к социальным и государственным институтам. Необходимость модернизации комплексного механизма противодействия преступлениям рассматриваемого вида, в том числе усиления ответственности за их совершение, подчеркивается в решениях Совета безопасности Российской Федерации².

Понятия «цифровое насилие» и «мигрант» не имеют в России законодательного определения и единообразного научного толкования. В нормативных актах используются понятия «иностранный гражданин», «лицо без гражданства»³. Следует иметь в виду, что в более широком смысле по-

¹ Дистанционные мошенники за семь месяцев выманили у россиян 120 млрд рублей // ТАСС: сайт. 30.08.2025 // URL: <https://tass.ru/proisshestviya/24910341> (дата обращения: 10.09.2025).

² В СБ выступили за усиление ответственности за компьютерные преступления // ТАСС: сайт. 09.10.2025 // URL: <https://tass.ru/proisshestviya/25301913> (дата обращения: 12.10.2025).

³ Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан

Oksana N. PAKHOMOVA,

Cand. Sci. (Jurisprudence), Associate Professor, ORCID 0009-0003-9830-0449

Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia (Kaliningrad, Russia)

Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminology

and Criminal Executive Law of the Kaliningrad Branch

oksana.39rus@mail.ru

DIGITAL VIOLENCE AGAINST MIGRANTS

KEYWORDS. Digital violence, migrant, migrant victimization, latency, countering digital violence, international cooperation.

ANNOTATION. *Introduction.* The article examines digital violence against migrants. The insufficient scientific research on this phenomenon and the need for further study are emphasized. In this case, increased attention is required to the issues of crime latency and victimization of migrants, including Russian citizens abroad. Research should contribute to the development of an effective, comprehensive mechanism for countering this type of violence. In this regard, it may be useful to study and adapt foreign experience in implementing modern practices for organizing such counteraction to domestic conditions. **Methods.** The methodological basis of the study, the results of which are reflected in the article, is the dialectical method, which made it possible to consider digital violence as a dynamic phenomenon. A statistical method was used to work with data from the UN, Ministry of the Interior of Russia and the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation, characterizing the dynamics of migration flows and crime rates. The comparative analysis method was applied to compare domestic and foreign experiences in countering digital violence. In addition, methods of abstraction, generalization, and analysis were used. **Results.** The phenomenon of digital violence against migrants, including members of the Russian diaspora abroad, should be studied given the high victimization rate of victims and the latency of these types of attacks. This article defines digital violence against migrants as unlawful psychological and emotional pressure exerted through information and telecommunications technologies, aimed at causing moral, physical, or property harm to a migrant against their will, exploiting their vulnerability. The article presents the key factors contributing to the high level of migrant victimization in the digital environment: low digital and legal literacy, enclavization, and language barriers. It also examines the forms of digital violence against migrants and related trends, particularly the emergence of increasingly anonymous online recruitment and exploitation mechanisms that increase the latency of criminal acts. Recommendations for countering digital violence against migrants are provided. They envisage the introduction of advanced technologies into the prevention system, as well as the improvement of criminal legislation by establishing violence of this type as an aggravating circumstance.

нятие «мигрант» охватывает и российских граждан, находящихся за рубежом. По состоянию на середину 2024 года в нашей стране было зарегистрировано 6,2 млн трудовых мигрантов (4,5% от общей численности населения)¹. Иностранные туристы, студенты, трудовые мигранты, экспаты становятся жертвами осуществляющей посредством интернета вербовки и киберпреследования. Задачей проведенного нами исследования было обобщение статистических данных, судебной практики, международного опыта, а также современных научных разработок для определения специфики цифрового насилия в отношении мигрантов в целях совершенствования мер противодействия ему.

МЕТОДЫ

Методологической основой исследования стал диалектический метод познания, позволивший рассматривать цифровое насилие как динамичное явление, эволюционирующее под влиянием противоречивых процессов, происходящих в обществе. Статистический метод применен для обработки и анализа официальных данных Отдела

народонаселения Департамента ООН по экономическим и социальным вопросам, Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев, МВД России, Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. Были проведены сбор, систематизация и обработка сведений, отражающих динамику миграционных потоков, и показателей, характеризующих преступность в сфере миграции. Метод сравнительного анализа использовался при сопоставлении отечественных и зарубежных практик противодействия цифровому насилию в отношении мигрантов, выявления положительного опыта в данной сфере. Методы абстрагирования, обобщения и анализа были востребованы для систематизации и толкования полученных результатов.

РЕЗУЛЬТАТЫ

1. Установлено, что тематика цифрового насилия в отношении мигрантов (масштабы и уровень латентности этого явления, анонимность исполнителей, виктимизация мигрантов, в том числе российских граждан, находящихся за рубежом) остается недостаточно изученной. Необходимо

в Российской Федерации»; Федеральный закон от 18.07.2006 № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации»; Указ Президента Российской Федерации от 15.10.2025 № 738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026-2030 годы».

¹ Жандарова И. Сила есть – рабочие руки будут? Как нам лучше регулировать миграцию // Российская газета: сайт. 04.10.2024 // URL: <https://rg.ru/2024/10/04/v-rossii-sokrashchetsia-chislo-trudovyh-migrantov.html> (дата обращения: 10.09.2025).

проведение дальнейших исследований для выявления факторов, обуславливающих существование преступности рассматриваемого вида, и разработки эффективных мер, направленных на противодействие ей. Такие исследования соответствуют российским национальным интересам, поскольку позволяют разработать эффективные механизмы превенции цифрового насилия в отношении мигрантов всех категорий, являющихся уязвимой виктимной группой. Включение этих механизмов в общую систему профилактики преступлений будет способствовать повышению уровня общественной безопасности, а также эффективности охраны правопорядка, обеспечения защиты личности, общества и государства [1, с. 549].

2. Сформулировано определение понятия цифрового насилия в отношении мигрантов. Это специфическая форма противоправного психологического и эмоционального воздействия, осуществляемого посредством информационно-телекоммуникационных технологий, направленного на причинение морального, физического или имущественного вреда мигранту вопреки его воле. В отличие от других цифровых преступлений его содержание состоит в насилии над личностью, обусловленном специфическими социально-демографическими факторами, такими как незнание местного языка, низкий уровень грамотности, социальная изоляция и анклавизация. Цифровое насилие в отношении мигрантов представляет собой комплексное воздействие, нарушающее права потерпевших на безопасность, свободу и достоинство.

3. Определены формы цифрового насилия, осуществляемого в отношении мигрантов:

- онлайн-вербовка с использованием фальшивых предложений о трудоустройстве (как правило, задействуются методы социальной инженерии, технологии дипфейка и искусственного интеллекта);

- принудительное участие в цифровых преступлениях (например совершаемых посредством платформ «Telegram», «TikTok» и т.п. для вовлечения в терроризм, трудовую и сексуальную эксплуатацию);

- травля и клевета в соцсетях (дезинформация, стигматизация);

- шантаж (угроза депортации, распространение интимных фото без согласия и др.).

4. Проанализирована специфика уголовно-правового противодействия цифровому насилию в отношении мигрантов. Действующий правовой механизм предусматривает квалификацию деяний, содержащих различные элементы цифрового насилия, по ст.ст. 126 (похищение человека), 127.1 (торговля людьми), 127.2 (использование рабского труда), 205-208 (терроризм и содействие ему), 240-242 (организация проституции), 280-282.4 (экстремизм и возбуждение ненависти) УК РФ. Следует

констатировать, что конструкции существующих норм не учитывают специфики современных форм цифрового насилия в отношении мигрантов [2, с. 25].

В целях совершенствования уголовно-правовой базы противодействия цифровому насилию рассматривающего вида, выполнения обязательств, принятых на себя Россией в соответствии с Конвенцией ООН против киберпреступности от 24 декабря 2024 года¹, а также реализации положений Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026-2030 годы², считаем необходимым поддержать предложение К.Н. Евдокимова о дополнении перечня обстоятельств, отягчающих наказание, включив в п. «к» ч. 1 ст. 63 УК РФ слова: «с использованием компьютерной информации, компьютерных устройств, информационно-телекоммуникационных сетей либо иных средств хранения, обработки, передачи и защиты компьютерной информации» [3, с. 34]. Полагаем, это позволит укрепить противодействие всем формам цифрового насилия, в том числе осуществляемого в отношении мигрантов. При совершенствовании законодательства целесообразно избегать таких терминов, как буллинг, секстинг и т.д., заменяя их аналогами из русского языка. Например, слово «травля» достаточно точно передает смысл буллинга. Такой подход обеспечит ясность и полноту понимания и толкования преступлений, совершаемых в цифровом пространстве.

Необходимо развивать комплексную систему противодействия цифровому насилию в отношении мигрантов, предусматривающую профилактику, выявление и пресечение преступлений на ранних стадиях, международное сотрудничество, использование технологий искусственного интеллекта для мониторинга цифрового пространства, развитие межведомственного взаимодействия МВД России, ФСБ России и других ведомств, имеющих отношение к работе с мигрантами.

ОБСУЖДЕНИЕ

В нормативно-правовых актах, научных работах и материалах практики применения законодательства проблематика цифрового насилия в отношении мигрантов упоминается косвенно, отсутствует универсальный подход к толкованию данного явления. Большинство исследований сосредоточено на преступлениях, совершаемых мигрантами [4, с. 46]. Ряд авторов изучают отдельные аспекты защиты прав мигрантов [5, с. 302], регулирование миграционной политики [6, с. 84], латентность, характерную для преступности мигрантов, особенности личности преступников-мигрантов [7, с. 156], [8, с. 88], [9, с. 128], [10, с. 145], анклавизацию мигрантов [11, с. 236], [12, с. 326]. Подвергаются анализу проблемы уголовной политики в части, касающейся противодействия незаконной миграции [13, с. 83], [14, с. 59].

¹ Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности; укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям. Принята резолюцией 79/243 от 24.12.2024 Генеральной Ассамблеей ООН.

² Указ Президента Российской Федерации от 15.10.2025 № 738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026-2030 годы».

Таблица 1.

**ДИНАМИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЁННЫХ ИНОСТРАННЫМИ
ГРАЖДАНАМИ И ЛИЦАМИ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА В ОТНОШЕНИИ НИХ**

<i>Иностранными гражданами и лицами без гражданства на территории Российской Федерации...</i>	<i>...совершено преступлений, тысяч</i>	<i>динамика показателя</i>	<i>в том числе гражданами государств - участников СНГ, тысяч</i>	<i>динамика показателя</i>	<i>их удельный вес</i>	<i>Количество преступлений в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, тысяч</i>	<i>динамика показателя</i>
2020 г.	34,4	-1,5%	30,8	-0,6%	89,6%	16,0	4,9%
2021 г.	36,4	+5,9%	28,5	-0,7%	78,3%	16,0	-0,1%
2022 г.	40,2	+10,3%	32,9	+15,5%	82,0%	16,1	+0,8%
2023 г.	38,9	-3,0%	32,5	-1,3%	83,5%	14,1	-12,4%
2024 г.	38,6	-0,9%	32,7	+0,6%	84,8%	11,7	-17,2%
2025 г. (январь-август)	29,7	12,6%	25,2	+13,7%	84,8%	6,4	-19,1%

Статистика не отражает реальной ситуации в изучаемой нами сфере из-за высокого уровня латентности преступлений в отношении мигрантов и ввиду использования цифровой формы осуществления насилия. Для приблизительной оценки масштаба проблемы рассмотрим доступные сведения о преступлениях, совершаемых иностранными гражданами и лицами без гражданства в Российской Федерации, и преступлениях против них. Эти данные имеют опосредованную связь с проблематикой кибернасилия, но демонстрируют общий фон миграционной преступности, охватывающий и ее онлайн-формы.

Статистика МВД России показывает постепенное снижение количества преступлений в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства: 16,0-16,1 тысячи в 2020-2022 годах, 14,1 тысячи в 2023 году (-12,4%), 11,7 тысячи в 2024 году (-17,2%), 6,4 тысячи за январь-август 2025 года (-19,1%). Общее снижение за период с 2022 по 2024 год - 27%¹ (см. таблицу 1). Возможными причинами такой динамики являются повышение эффективности

правоохранительной деятельности, ослабление миграционных потоков и высокая латентность преступлений рассматриваемого вида [7, с. 156]. Судебная статистика показывает, что средняя за пять лет доля иностранцев среди всех осуждённых составляет 3,71%².

Согласно методическим рекомендациям ООН международным мигрантом считается человек, который пересекает границу государства, меняет страну проживания, непрерывно проживает в другой стране не менее 12 месяцев³. Данные, приведенные в таблице 2, демонстрируют общемировой прирост числа международных мигрантов – со 154 млн в 1990 году до 304 млн в 2024 году, что отражает повышение мобильности населения под влиянием экономических, политических и технологических процессов. Наиболее заметен рост в Азии (с 47 млн до 92 млн), Европе (с 51 млн до 94 млн) и Северной Америке (с 28 млн до 61 млн).

В России понятия «мигрант» и связанные с ним (трудовые мигранты, внутренние мигранты, цифровые мигранты, беженцы, вынужденные пере-

¹ Статистика и аналитика // МВД России: сайт // URL: <https://mvd.ru/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 10.10.2025).

² Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: сайт // URL: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 10.09.2025).

³ International Migrant Stock 2024. Key facts and figures. Advance unedited version. New York, 2025 // Организация Объединенных Наций: сайт // URL: https://www.un.org/development/desa/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/undesa_pd_2025_intlmigstock_2024_key_facts_and_figures_advance-unedited.pdf?ysclid=mhp8yyg2l0355644888 (дата обращения: 10.09.2025).

Таблица 2.

ДИНАМИКА МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В МИРЕ

Регион, группа развития, страна или территория	Число международнх мигрантов, тысяч			Доля международных мигрантов в общей численности населения (в %)			Доля женщин среди международнх мигрантов (в %)
	1990	2010	2024	1990	2010	2024	
Мир	153 916	221 020	304 022	2.9	3.1	3.7	48.0
ЕВРОПА	51 465	72 509	94 052	7.1	9.8	12.6	51.5
Восточная Европа	22 316	19 390	18 646	7.2	6.6	6.5	53.7
Российская Федерация	11 525	11 200	7 606	7.7	7.8	5.3	50.8
Беларусь	1 249	1 090	1 055	12.3	11.5	11.6	54.2
Украина	6 893	4 819	5 064	13.2	10.4	13.4	57.0
Северная Европа	6 656	11 953	18 543	7.2	12.0	17.0	49.6
Латвия	646	314	220	24.3	15.0	11.8	59.5
Эстония	382	218	203	24.3	16.4	14.9	56.5
Литва	349	161	175	9.5	5.2	6.1	47.0
Южная Европа	5 473	15 213	20 120	3.8	9.9	13.3	52.4
Испания	814	6 281	8 871	2.1	13.4	18.5	51.7
Западная Европа	17 020	25 953	36 742	9.6	13.8	18.4	50.9
Франция	5 890	7 322	9 187	10.3	11.5	13.8	52.3
Германия	6 960	11 666	16 750	8.7	14.4	19.8	50.0
Швейцария	1 252	2 054	2 774	18.7	26.2	31.1	50.3
АЗИЯ	46 701	64 340	92 170	1.5	1.5	1.9	41,9
Центральная Азия	6 301	3 787	3 910	12.3	5,9	4,8	57,0
Казахстан	3 289	1 857	2 090	19.2	11.0	10.1	59.3
Кыргызстан	623	232	195	14.0	4.2	2.7	59.6
Таджикистан	429	280	277	7.9	3.7	2.6	56.8
Туркменистан	307	198	194	8.2	3.6	2.6	52.6
Узбекистан	1 653	1 220	1 155	8.1	4.3	3.2	53.2
Восточная Азия	4 118	7 484	11 559	0.3	0.5	0.7	54.1
Китай	518	1 010	1 639	0.0	0.1	0.1	51,6
Юго-Восточная Азия	2 637	8 567	11 030	0.6	1.4	1.6	40.2
Камбоджа	38	82	84	0.5	0.6	0.5	46.1
Мьянма	134	76	79	0.3	0.2	0.1	45.2
Западная Азия	14 489	30 063	49 212	9.8	12.8	15.9	34.8
Армения	434	211	275	12.2	7.2	9.2	57.0
Азербайджан	402	251	218	5.6	2.7	2.1	52.1
Грузия	304	73	82	5.6	1.9	2.1	56.1
Кувейт	1 056	1 872	3 323	62.7	63.6	67.3	34.0
Катар	216	1 409	2 337	49.0	82.4	76.7	22.7
ОАЭ	1 302	5 446	8 157	68.6	78.5	74.0	32.7
Северная Америка	27 543	51 008	61 208	9.8	14.8	15.9	51.3
США	23 266	43 947	52 375	9.2	14.1	15.2	51.1

селенцы, соотечественники за рубежом) не имеют универсального толкования, что затрудняет учет и правовую защиту потерпевших от цифрового насилия. Миграционный поток в нашу страну стабильно увеличивался до начала пандемии коронавируса COVID-19. В 2019 году на миграционный учет было поставлено 19,518 млн человек, в 2020 году – 9,802 млн, в 2021 году – около 14 млн, из которых 9,5 млн прибыли с целью трудоустройства. По данным Российской академии наук, за 2016–2022 годы гражданство Российской Федерации приобрели 2 миллиона 969 тысяч 555 иностранцев, преимущественно – граждане Украины, далее – мигранты из Таджикистана, Казахстана и Армении. В период с 1991 по 2021 год Россию покинули около 7,9 млн человек. Корректировка на основе статистики принимающих стран увеличивает этот показатель до 15–16 млн человек¹. Эмиграция затрагивает в основном высокообразованных людей с высшим образованием и научными степенями, а иммиграция привлекает низкоквалифицированных специалистов. Примерно 300 тысяч российских студентов обучаются за рубежом, ежегодно по разным причинам выезжают еще около 70 тысяч человек².

Вопросы виктимности мигрантов (в том числе российских граждан, пребывающих за рубежом) в цифровом пространстве в современной научной доктрине не получили надлежащей проработки, оставаясь, как правило, за рамками исследований [14, с. 52]. Отсутствие эффективной правовой защиты в юрисдикции принимающих стран усугубляет виктимизацию приезжих: цифровые следы (личные данные, переписка) могут быть использованы для шантажа, вербовки в экстремистские группы, травли. В первую очередь это касается студентов и низкоквалифицированных работников, не обладающих знаниями, не владеющих языками, имеющими низкий уровень цифровой грамотности. Следует иметь в виду, что приток таких мигрантов увеличивает угрозу цифровой эксплуатации.

Информационно-телекоммуникационные технологии влияют на масштабы вовлечения мигрантов в транснациональную организованную преступность, связанную с торговлей людьми, незаконным провозом людей через границы, оборотом оружия и наркотиков, в террористические и экстремистские группы³. Поданным ООН, в 2023

году во всем мире погибли или пропали без вести более 8500 мигрантов, многие из них стали жертвами онлайн-насилия⁴. Согласно определению, используемому ООН, цифровое насилие представляет собой совокупность разнообразных форм противоправного воздействия, осуществляемого в киберпространстве. Это, в частности, хейтспич (выражение ненависти в оскорбительной форме), дезинформация, травля, клевета, направленные на дискриминацию и стигматизацию (навешивание негативных социальных ярлыков)⁵.

Цифровое насилие относительно недавно стало предметом научных исследований, особенно в контексте его совершения в отношении представителей уязвимых групп – женщин и несовершеннолетних. Так, Э.Л. Сидоренко, в ходе изучения цифрового насилия, которому подвергаются дети, выявила его специфику, указав среди прочего на высокую латентность (до 70%) и организованность данной формы преступной деятельности. Она проанализировала конкретные проявления такого насилия и предложила алгоритмы их квалификации [15, с. 68]. О.М. Андрюшенкова, рассмотрев типичные формы онлайн-насилия, отметила поливариативность его проявлений [16, с. 152]. Е.Ю. Антонова подчеркнула связь некоторых процессов цифровизации с ростом масштабов сексуального насилия [17, с. 450]. В качестве меры совершенствования противодействия цифровому насилию она предложила внести в уголовное законодательство поправки в виде включения в составы преступлений дополнительного квалифицирующего признака – совершение деяния с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Речь, в частности, идет о преступлении, предусмотренном ст. 135 УК РФ (развратные действия) [17, с. 450]. Т.В. Пинкевич в рамках анализа данных о преступлениях, совершенных против несовершеннолетних посредством информационных технологий, рассматривала цифровое неравенство как фактор преступности [18, с. 137], [19, с. 538]. Обратим внимание на то, что отечественные авторы научных работ выделяют более десяти видов цифрового насилия [15, с. 73], [20, с. 33].

В 2025 году были внесены изменения в нормы Общей и Особенной частей УК РФ. Пунктом «ф» дополнена ч. 1 ст. 63 УК РФ: отягчающим наказание обстоятельством признано совершение преступления с использованием программно-аппарат-

¹ Фиолетов С. Уникальный атлас отразил процессы переселения людей из страны в страну за 30 лет // РАН: сайт. 02.03.2023 // URL: <https://new.ras.ru/activities/news/unikalnyy-atlas-otrazil-protsessy-pereseleniya-lyudey-iz-strany-v-stranu-za-30-let/> (дата обращения: 10.09.2025).

² Котляр П. «Мы хотим видеть среди наших студентов граждан России, Белоруссии, Украины» // Газета.ru: сайт. 23.03.2022 // URL: <https://www.gazeta.ru/science/2022/03/23/14656675.shtml> (дата обращения: 10.09.2025).

³ Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности; укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершамыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям. Принята резолюцией 79/243 от 24.12.2024 Генеральной Ассамблей ООН.

⁴ Маколифф М., Оучо Л.А. Доклад о миграции в мире 2024. Женева: Международная организация по миграции (МОМ), 2024; URL: <https://publications.iom.int/system/files/pdf/pub2023-081-l-world-migration-report-2024-ru.pdf> (дата обращения: 10.09.2025).

⁵ Организация Объединенных Наций по вопросам гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин 2023. Цифровое насилие в отношении женщин и девочек: базовое исследование в Европе и Центральной Азии // Региональный офис ООН-Женщины по Европе и Центральной Азии: сайт // URL: <https://eca.unwomen.org/en/digital-library/publications/2023/10/digital-violence-against-women-and-girls-baseline-study> (дата обращения: 10.09.2025).

ных средств доступа к информационным ресурсам, информационно-телекоммуникационным сетям, доступ к которым ограничен. В ст.ст. 274.3, 274.4, 274.5 УК РФ закреплены новые составы преступлений: криминализированы незаконное использование телекоммуникационного оборудования (например SIM-ферм для спама или мошенничества), передача абонентских номеров и данных для онлайн-регистрации в корыстных или преступных целях¹. Однако необходимо иметь в виду, что эти меры не решают задач комплексного противодействия цифровому насилию, так как направлены на борьбу с цифровыми преступлениями конкретных видов.

Цифровое насилие подразумевает более широкий спектр действий: использование дипфейков, искусственного интеллекта, электронной почты, систем обмена мгновенными сообщениями и веб-сайтов в целях запугивания или преследования человека (группы людей), вербовки, обмана, травли, угроз распространения персонифицированной информации и т.д. Включенные в уголовный кодекс в 2025 году нормы фокусируются на инфраструктуре (теле- и компьютерные сети) и шпионаже. Они не касаются деяний, представляющих собой нападение на личность, осуществляемое в цифровой форме. А ведь с его помощью могут быть совершены иные преступления, обладающие высокой степенью общественной опасности (ст.ст. 119, 127.1, 128.1, 163, 205-207 УК РФ и др.).

С учетом того, что киберпреступность продолжает эволюционировать [20, с. 27], важно разработать оптимально унифицированное определение цифрового насилия и закрепить его в норме Общей части УК РФ, предусматривающей обстоятельства, отягчающие наказание². Не следует забывать, что в цифровом пространстве существует множество форм онлайн-взаимодействия. Это могут быть дебаты, конструктивная критика, политическая агитация, коммерческая реклама и даже сбор информации в соответствии с положениями Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». Без указания на противоправность определение рискует охватить и легальные деяния.

Наиболее характерные формы цифрового насилия в отношении мигрантов эксплуатируют их уязвимости: языковые барьеры, материальную нужду, страх перед депортацией. Воздействие зачастую осуществляется посредством фальшивых предложений о трудоустройстве, например в IT-сфере, модельном бизнесе, туризме. Организованные преступные группы используют технологии

искусственного интеллекта, дипфейков, социальной инженерии для онлайн-вербовки мигрантов из стран СНГ, Азии и Африки³. Контролируемые транснациональными синдикатами скам-центры стали появляться после 2020 г. в Мьянме, Камбодже, Лаосе⁴. Иллюстрацией реализуемых ими мошеннических схем являются примеры россиян Дашимы О., поверившей обещаниям о работе моделью, и Вадима П., получившего предложение о работе в IT-сфере; гражданина Казахстана Г., завербованного обманом в 2024 году; оказавшейся в рабстве белорусской гражданки Веры К.⁵ Во всех случаях преступники сочетали различные формы цифрового (вербовка, манипуляция информацией, эксплуатация посредством онлайн-платформы) и физического насилия (принудительное перемещение, лишение свободы, избиение за непополнение и др.).

В настоящее время некоторые российские службы предлагают расширить географию стран, из которых в нашу страну привлекаются трудовые мигранты. Обратить внимание, например, на Мьянму, которая при численности населения в 55 миллионов человек экспортирует трудовых ресурсов, по разным оценкам, в объемах до 6 миллионов человек⁶. Такие предложения представляются криминологически не обоснованными. Их реализация может обернуться повышением рисков вытеснения как самих мигрантов, так и населения принимающих регионов России. Впрочем, весьма осторожно и взвешенно следует подходить к инициативам противоположного характера, предлагающим, в частности, введение визового режима со всеми государствами или запрет на перемещение семей мигрантов по территории Российской Федерации [21, с. 108].

Прежде всего России необходимо руководствоваться собственными национальными интересами. При реализации Концепции государственной миграционной политики на 2026-2030 годы следует устраниТЬ дисбаланс между привлечением низко- и высококвалифицированных работников, создавая социальные и экономические стимулы для последних [22, с. 140]. Естественно, такие меры должны предусматривать полный контроль за развитием ситуации, взаимодействие всех государственных органов с использованием передовых цифровых технологий, реализацию положений о международном сотрудничестве и обмене информацией в соответствии с Конвенцией ООН «О противодействии киберпреступности» 2024 года.

В Европе с 15 по 19 сентября 2025 года под эгидой Европола эксперты проводили исследование

¹ Федеральный закон от 31.07.2025 № 282-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

² Евдокимов К.Н. Противодействие компьютерной преступности: теория, законодательство, практика: Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2021. 557 с.

³ Доклад Министерства иностранных дел Российской Федерации «О ситуации с правами человека в отдельных странах» // МИД России: сайт. 06.06.2023 // URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1884435/> (дата обращения: 12.09.2025).

⁴ Мошеннические парки в Мьянме: как россиянки стали жертвами торговцев людьми // ТАСС: сайт. 14.04.2025 // URL: <https://tass.ru/mezhunarodnaya-panorama/23677745> (дата обращения: 10.09.2025).

⁵ Вишневская Е. «Рабыня за миску риса»: спасенную из рабства в Мьянме россиянку доставили в Бангкок // Газета.ru. 07.10.2025 // URL: <https://www.gazeta.ru/social/2025/10/07/21819728.shtml> (дата обращения: 07.10.2025).

⁶ СМИ: в России зафиксировали рекордный приток мигрантов // РИА Новости: сайт. 06.03.2025 // URL: <https://ria.ru/20250306/migrantly-2003317361.html> (дата обращения: 07.10.2025).

социальных сетей, торговых онлайн-площадок, приложений для знакомств и поиска работы, сайтов эскорт-агентств и платформ мгновенного обмена сообщениями с целью выявления лиц, занимающихся сексуальной или трудовой эксплуатацией в интернете. В результате этой работы были обнаружены признаки торговли людьми на 44 сайтах, выявлены 33 потенциальные жертвы торговли людьми, 31 потенциальный преступник, 302 URL-адреса и 137 аккаунтов в социальных сетях, связанные с торговлей людьми, деятельность которых координируется несколькими организованными группами¹. Эксперты отметили увеличение в глобальной сети количества рекламных объявлений, созданных при помощи технологии искусственного интеллекта для заманивания жертв. В то же время в даркнете были найдены сайты, на которых размещались материалы, демонстрирующие сцены сексуального насилия над детьми, имеющие признаки задействования в торговле органами, предлагающие аренду, покупку и продажу несовершеннолетних, включая новорожденных.

Наиболее типичными для России формами цифрового насилия в отношении мигрантов являются онлайн-вербовка и принудительное участие в преступлениях. Результаты анализа 25 приговоров, вынесенных судами по итогам рассмотрения уголовных дел о преступлениях в отношении мигрантов, показали, что цифровое насилие наиболее часто сопутствует проявлениям терроризма, незаконной миграции, торговле людьми, сексуальной эксплуатации². Например, торговля людьми, как правило, координируется с использованием современных компьютерных технологий. И это касается не только вербовки мигрантов, но и их транспортировки и эксплуатации, в том числе в сексуальных и репродуктивных целях. Весной 2025 года суд в Ставропольском крае вынес приговор в отношении семерых участников организованной группы, занимавшейся торговлей мигрантами³. В Казани трое граждан Молдовы эксплуатировали инвалидов, в том числе мигрантов, принуждая к попрошайничеству. Их действия были квалифицированы по п. «а» ч. 3 ст. 127.1 и ч. 3 ст. 127.2 УК РФ⁴. В октябре 2025 года кассационный суд признал законными приговоры по делу о суррогатном материнстве и торговле детьми в отношении организованной группы лиц, которая,

используя поддельные документы для перемещения детей за границу, продавала новорожденных иностранцам. Кriminalный доход составил 72,5 млн рублей⁵. Во всех взятых для примера случаях преступники применяли к мигрантам элементы цифрового насилия в виде вербовки, дезинформации и принуждения.

В настоящее время основным инструментом вербовки являются социальные сети («TikTok», «Telegram»). Вербовщики используют технологии социальной инженерии, обещают вознаграждение за теракты и обманывают своих жертв. Примером служит теракт, осуществленный в комплексе «Крокус Сити Холл» 22 марта 2024 года. В ходе подготовки к нему граждане Таджикистана в возрасте 19–32 лет координировали действия посредством аккаунтов в «Telegram», созданных для вербовки мигрантов. Их кураторы находились за границей. По данным информационно-аналитической компании «Интернет-розыск» за 2025 год, количество вербовочных аккаунтов выросло с 294 в марте до 1098 в мае, ежедневное число сообщений с признаками вербовки – с 5 до 15 тысяч. Это подтверждает уязвимость мигрантов перед цифровым манипулированием, особенно в условиях анклавизации и существования языкового барьера.

По оценкам Интерпола, терроризм по-прежнему наиболее тесно связан с преступностью в сфере нелегальной миграции⁶. Особенностью цифрового насилия, проявляющегося в преступлениях, совершаемых в этой сфере, является то, что оно может прямо включаться в их механизм. Это выражается в создании фейковых миграционных или кадровых агентств в соцсетях, продаже поддельных электронных документов через даркнет, обмане при оформлении цифровых миграционных карт и трудоустройстве. Например, мигрантов могут вербовать через фейковые сайты трудоустройства для нелегальной работы. При разоблачении основания их нахождения на территории Российской Федерации аннулируются, а сведения о них вносятся в реестр контролируемых лиц.

Одной из наиболее латентных форм цифрового насилия является массовое распространение в соцсетях текстов с высказываниями негативного характера о том, что мигранты ведут себя вызывающе, не уважают российские традиции, сожительствуют с местными женщинами, из-за них растет преступность и т.д. Потерпевшие боятся

¹ Over 30 potential victims identified in action against human trafficking enabled online [Более 30 потенциальных жертв выявлены в ходе онлайн-мероприятия по борьбе с торговлей людьми] // Europol: сайт. 13.10.2025 // URL: <https://www.europol.europa.eu/media-press/newsroom/news/over-30-potential-victims-identified-in-action-against-human-trafficking-enabled-online> (дата обращения: 13.10.2025).

² В 2025 году изучались приговоры, тексты которых размещены в открытом доступе на портале «Судебные и нормативные акты РФ» // URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 13.10.2025).

³ На Ставрополье семерых жителей осудили за торговлю людьми // ТАСС: сайт. 11.04.2025 // URL: <https://tass.ru/proisshestviya/23664273> (дата обращения: 13.10.2025).

⁴ Сегодня огласили приговор по делу о торговле людьми и эксплуатации рабского труда инвалидов // Официальный канал прокуратуры Республики Татарстан в «Telegram». 04.12.2024 // URL: <https://t.me/prokrt/4051> (дата обращения: 13.10.2025).

⁵ Фигуранты дела о продаже детей иностранцам не смогли оспорить приговор // ТАСС: сайт. 22.10.2025 // URL: <https://tass.ru/proisshestviya/25412965> (дата обращения: 13.10.2025).

⁶ Представители НЦБ Интерпола МВД России приняли участие в Международной конференции по проблеме распространения идеологии экстремизма // МВД России: сайт. 19.09.2025 // URL: [https://mvd.rph/mvd/structure1/Upravlenija/Nationalnoe_centralnoe_bjuro_Interpolu/Publikacii_i_vistuplenija/item/70375406/](https://mvd.rph/mvd/structure1/Upravlenija/Nacionalnoe_centralnoe_bjuro_Interpolu/Publikacii_i_vistuplenija/item/70375406/) (дата обращения: 13.10.2025).

обращаться в правоохранительные органы в силу правовой неграмотности, языкового барьера или по причине того, что находятся в нашей стране нелегально. Результаты редких опросов мигрантов показывают, что иногда чужие люди подходят к ним и начинают снимать на камеру без спроса, после чего видео появляются в соцсетях. Или случается, что незнакомцы набрасываются на них с обвинениями, приписывая поступки, к которым мигранты не имели отношения¹.

Необходимость совершенствования правового механизма противодействия цифровому насилию, в том числе в отношении мигрантов, подтверждают инициативы законодателей. В частности, предлагается ввести в ряд статей УК РФ (клевета, кража, мошенничество, мошенничество в сфере компьютерной информации, вымогательство, причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием) дополнительный квалифицирующий признак – совершение преступления с использованием изображения или голоса (в том числе фальсифицированных или искусственно созданных) и (или) биометрических данных гражданина. Такие поправки предусмотрены проектом федерального закона о внесении изменений в УК РФ в части установления уголовной ответственности за совершение преступлений с использованием технологий подмены личности². Отметим, что данный законопроект использует формулировку «фальсифицированные или искусственно созданные», толкование которой может быть неоднозначным, а также описывает лишь способ совершения имущественных преступлений, хотя технологии подмены личности применяются при совершении и значительно более опасных преступлений (например ст.ст. 207, 207.2 УК РФ и т.д.)³.

Вместе с тем необходимо иметь в виду, что судебная практика, имеющая отношение к проблеме цифрового насилия, сосредоточена главным образом на квалификации преступлений в сфере компьютерной информации (ст.ст. 272-274.1 УК РФ) и отдельных составов преступлений, совершенных с использованием сети Интернет, таких как незаконный оборот наркотиков, изготовление и оборот порнографии (ст.ст. 228.1, 242, 242.1 УК РФ). Это отражено в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 года⁴. При этом не раскрывается специфика цифрового насилия, в том числе совершен-

ного в отношении мигрантов. Пленум ограничивается разъяснениями по квалификации использования электронных сетей для узкого круга преступлений, но не принимает во внимание более широкий спектр деяний, охватываемых понятием «цифровое насилие». Кроме того, акцент делается на технических аспектах, суд не углубляется в сущность субъективного содержания цифрового насилия, не затрагивает вопросы его мотивации, рецидивности, масштабов причиняемого ущерба. Эти обстоятельства не позволяют комплексно решать вопросы, касающиеся квалификации современных форм цифрового насилия, в том числе совершающегося в отношении представителей уязвимых групп.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эффективная уголовно-правовая защита мигрантов от цифрового насилия является обязательным элементом правового механизма обеспечения национальных интересов, поскольку охрана уязвимых групп способствует минимизации вероятности разрастания социальных конфликтов, поддержанию общественного порядка, укреплению доверия населения к государственным институтам, что соответствует принципам национальной безопасности и международным стандартам в сфере прав человека.

Миграция – объективный социальный, экономический, политический глобальный процесс, затрагивающий все страны и континенты. Все государства выстраивают свою миграционную политику с учетом собственных национальных интересов и целей. Анализ международного опыта в сфере миграционной политики позволил нам прийти к выводу о том, что при совершенствовании российского миграционного законодательства целесообразно применять комбинированный подход, сочетающий в себе элементы принуждения и стимулирования. Это предполагает введение строгой регламентации въезда в Россию иностранных граждан, их пребывания и трудовой деятельности на ее территории, включая механизмы контроля, санкций за нарушения и интеграционные требования (например обязательное знание языка и культуры). Одновременно должна быть обеспечена комплексная поддержка мигрантов: реализация программ адаптации, предоставление субсидий, образовательные инициативы, применение цифровых инструментов для облегчения социальной интеграции. ■

¹ Громов С. Недовольны мигрантами и делят людей на своих и чужих. Почему в российских городах развернулась травля приезжих из республик СССР // 76.ru: сайт. 12.09.2023 // URL: <https://76.ru/text/world/2023/09/12/72694673/> (дата обращения: 13.10.2025).

² Проект федерального закона № 718538-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части установления уголовной ответственности за совершение преступлений с использованием технологий подмены личности)» // Система обеспечения законодательной деятельности: сайт. 16.09.2024 // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/718538-8> (дата обращения: 13.10.2025).

³ Заключение на проект федерального закона № 718538-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» (первое чтение) // Система обеспечения законодательной деятельности: сайт. 27.10.2025 // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/download/1ef9da10-9c9e-617a-9f8e-2b41787ba13d> (дата обращения: 27.10.2025).

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алексеева А.П. Профилактика правонарушений в России: законодательные основы и перспективы реализации // Преступность, уголовная политика, уголовный закон. Сборник научных трудов. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2013. С. 549-551.
2. Алексеева А.П., Белокобыльская О.И., Третьяков Ю.В. Возможности унификации критерии соотношения терминов, включенных в понятийный аппарат в сфере превенции преступности и преступлений // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 3 (66). С. 25-30.
3. Евдокимов К.Н. Уголовная ответственность за преступления против жизни и здоровья, совершенные с использованием информационно-коммуникационных технологий // Российский следователь. 2021. № 12. С. 34-38.
4. Афанасьева О.Р., Гончарова М.В. Преступность мигрантов как объект криминологического исследования // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2021. № 1 (81). С. 46-50.
5. Колозян А.Ш. Преступность мигрантов в России: реальность, вызовы и перспективы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 3 (67). С. 295-302.
6. Кириленко В.П., Алексеев Г.В., Чаава М.З. Международная защита прав трудящихся-мигрантов и миграционное законодательство // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 2. С. 84-94.
7. Исаилова Э.А., Рубинская Э.Д. Привлечение иностранных высококвалифицированных специалистов в Россию: миграционная политика и направления ее совершенствования // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2021. № 4 (76). С. 156-161.
8. Сердюков К.Н. Преступность иностранных мигрантов в России: факты и домыслы // Демографическое обозрение. 2024. № 11 (3). С. 88-101.
9. Антонов-Романовский Г.В., Сальников П.П., Чирков Д.К. Преступность мигрантов-иностранных в Российской Федерации: современные тенденции // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 3. С. 128-138.
10. Капинус О.С. Преступность иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 1. С. 145-151.
11. Сафонова К.Р., Логвинова И.А. Преступность мигрантов: криминологический анализ // Уголовное право в эволюционирующем обществе. Сборник научных статей. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2022. С. 236-238.
12. Власов Ю.А. Уголовная политика России в сфере обеспечения миграционной безопасности // Уголовная политика и правоприменительная практика. Сборник материалов международной научно-практической конференции. СПб, 2022. С. 326-341.
13. Урда М.Н. Международно-правовые акты противодействия незаконной миграции // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11. № 3. С. 83-95.
14. Кузьмин Ю.А. Мигранты как потенциальные жертвы преступлений: виктимологический аспект // Оeconomia et Jus. 2021. № 1. С. 52-59.
15. Сидоренко Э.Л. Цифровое насилие в отношении детей: понятие, виды и особенности квалификации // Lex Russica. 2024. Т. 77. № 12 (217). С. 68-83.
16. Андрющенкова О.М. Современные проявления цифрового насилия в обществе // Экономика и управление: опыт и новые решения в эпоху трансформаций. 2024. № 1. С. 152-156.
17. Антонова Е.Ю. Сексуальное насилие в эпоху цифровизации: вопросы правовой оценки // Всероссийский криминологический журнал. 2024. Т. 18. № 5. С. 450-459.
18. Пинкевич Т.В. Криминальные угрозы и криминогенные риски преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних с использованием цифровых технологий // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. № 2 (56). С. 137-145.
19. Пинкевич Т.В. Цифровое неравенство как фактор преступности // Виктимология. 2024. Т. 11. № 4. С. 538-545.
20. Алексеева А.П., Ничуговская О.Н. Киберпреступность: основные черты и формы проявления // Преступность в сфере информационных и телекоммуникационных технологий: проблемы предупреждения, раскрытия и расследования преступлений. 2017. № 1. С. 27-34.
21. Богданов А.В., Ильинский И.И., Кудин О.В. Влияние миграционной ситуации в России на терроризм и экстремизм // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (105). С. 97-108.
22. Сюнь Ю. Китайский опыт совершенствования миграционной политики: основные этапы и нерешенные проблемы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 5. С. 131-142.

REFERENCES

1. Alekseyeva A.P. Profilaktika pravonarusheniy v Rossii: zakonodatel'nyye osnovy i perspektivy realizatsii // Prestupnost', ugolovnaya politika, ugolovnyy zakon. Sbornik nauchnykh trudov. Saratov: Saratovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya, 2013. S. 549-551.
2. Alekseyeva A.P., Belokobyl'skaya O.I., Tret'yakov Yu.V. Vozmozhnosti unifikatsii kriteriyev sootnosheniya terminov, vkljuchennykh v ponyatiyny apparat v sfere preventsii prestupnosti i prestupleniy // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. 2023. № 3 (66). S. 25-30.

3. Yevdokimov K.N. Ugolovnaya otvetstvennost' za prestupleniya protiv zhizni i zдоров'ya, sovershennyye s ispol'zovaniyem informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologiy // Rossiyskiy sledovatel'. 2021. № 12. S. 34-38.
4. Afanas'yeva O.R., Goncharova M.V. Prestupnost' migrantov kak ob'yekt kriminologicheskogo issledovaniya // Vestnik Universiteta prokuratury Rossiyskoy Federatsii. 2021. № 1 (81). S. 46-50.
5. Kolozyan A.Sh. Prestupnost' migrantov v Rossii: real'nost', vyzovy i perspektivy // Juridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii. 2024. № 3 (67). S. 295-302.
6. Kirilenko V.P., Alekseyev G.V., Chaava M.Z. Mezdunarodnaya zashchita prav trudyashchikhsya-migrantov i migrantsionnoye zakonodatel'stvo // Yevraziyskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika. 2022. T. 16. № 2. S. 84-94.
7. Israilova E.A., Rubinskaya E.D. Privlecheniye inostrannykh vysokokvalifitsirovannykh spetsialistov v Rossiyu: migrantsionnaya politika i napravleniya yeye sovershenstvovaniya // Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta (RINKH). 2021. № 4 (76). S. 156-161.
8. Serdyukov K.N. Prestupnost' inostrannykh migrantov v Rossii: fakty i domysly // Demograficheskoye obozreniye. 2024. № 11 (3). S. 88-101.
9. Antonov-Romanovskiy G.V., Sal'nikov P.P., Chirkov D.K. Prestupnost' migrantov-inostrantsev v Rossiyskoy Federatsii: sovremennyye tendentsii // Juridicheskaya nauka: istoriya i sovremenność. 2019. № 3. S. 128-138.
10. Kapinus O.S. Prestupnost' inostrannykh grazhdan i lits bez grazhdanstva v Rossiyskoy Federatsii // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2022. № 1. S. 145-151.
11. Safonova K.R., Logvinova I.A. Prestupnost' migrantov: kriminologicheskiy analiz // Ugolovnoye pravo v evolyutsioniruyushchem obshchestve. Sbornik nauchnykh statey. Kursk: Yugo-Zapadnyy gosudarstvennyy universitet, 2022. S. 236-238.
12. Vlasov Yu.A. Ugolovnaya politika Rossii v sfere obespecheniya migrantsionnoy bezopasnosti // Ugolovnaya politika i pravoprimeritel'naya praktika. Sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. SPb, 2022. S. 326-341.
13. Urda M.N. Mezdunarodno-pravovyye akty protivodeystviya nezakonnym migrantsii // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija i pravo. 2021. T. 11. № 3. S. 83-95.
14. Kuz'min Yu.A. Migranti kak potentsial'nyye zhertvy prestupleniy: viktimologicheskiy aspekt // Oeconomia et Jus. 2021. № 1. S. 52-59.
15. Sidorenko E.L. Tsifrovoye nasiliye v otnoshenii detey: ponyatiye, vidy i osobennosti kvalifikatsii // Lex Russica. 2024. T. 77. № 12 (217). S. 68-83.
16. Andryushenkova O.M. Sovremennyye proyavleniya tsifrovogo nasiliya v obshchestve // Ekonomika i upravleniye: opyt i novyye resheniya v epokhu transformatsiy. 2024. № 1. S. 152-156.
17. Antonova Ye.Yu. Seksual'noye nasiliye v epokhu tsifrovizatsii: voprosy pravovoy otsenki // Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal. 2024. T. 18. № 5. S. 450-459.
18. Pinkevich T.V. Kriminal'nyye ugrozy i kriminogennyye riski prestupleniy, sovershayemykh v otnoshenii nesovershennoletnikh s ispol'zovaniyem tsifrovyykh tekhnologiy // Vestnik Kazanskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii. 2024. T. 15. № 2 (56). S. 137-145.
19. Pinkevich T.V. Tsifrovoye neravenstvo kak faktor prestupnosti // Viktimologiya. 2024. T. 11. № 4. S. 538-545.
20. Alekseyeva A.P., Nichugovskaya O.N. Kiberprestupnost': osnovnyye cherty i formy proyavleniya // Prestupnost' v sfere informatsionnykh i telekommunikatsionnykh tekhnologiy: problemy preduprezhdeniya, raskrytiya i rassledovaniya prestupleniy. 2017. № 1. S. 27-34.
21. Bogdanov A.V., Il'inskiy I.I., Kudin O.V. Vliyaniye migrantsionnoy situatsii v Rossii na terrorizm i ekstremizm // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2025. № 1 (105). S. 97-108.
22. Syun' Yu. Kitayskiy opyt sovershenstvovaniya migrantsionnoy politiki: osnovnyye etapy i nereshennyye problemy // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istorija i politicheskiye nauki. 2018. № 5. S. 131-142.

© Пахомова О.Н., 2025.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Пахомова О.Н. Цифровое насилие в отношении мигрантов // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 4 (82). С. 26-36.